

Об «Академическом деле» (другие названия: «Дело историков», «Дело академиков», «Дело по обвинению С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и др.», «Дело Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России») до начала 90-х годов XX в. было очень мало известно. Единственным источником, из которого черпались некоторые сведения о нем, были изданные за рубежом воспоминания бывших подследственных по этому делу Н.П. Анциферова и С.В. Сигриста¹. Первая работа, в которой сделана попытка охарактеризовать «Академическое дело» в целом, была опубликована лишь в 1989 г. Автор – ленинградский историк В.С. Брачев, ныне профессор Петербургского университета, получил возможность работать над следственными делами, когда для других архив КГБ был наглухо закрыт, а данное дело абсолютно недоступно. Уже это одно обстоятельство придавало его работе специфический оттенок. Кроме того, в статье В.С. Брачева отсутствовали обычные ссылки на архивные документы (архив, фонд, номер и листы дела), а основывалась она на специально подобранных для него в архиве КГБ документах². Важными шагами на пути к всестороннему изучению «Академического дела» стали исследования члена общества «Мемориал» Ф.Ф. Перченка³. К сожалению, автору не была предоставлена возможность работать в архиве КГБ, и это, разумеется, не могло не сказаться на результатах исследования.

Наконец, в 1992 г. Библиотека Российской академии наук по согласованию с Управлением Федеральной службы контрразведки (ныне ФСБ) приступила к работе по подготовке издания этого следственного дела, с привлечением научных работников-историков из С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН. В редакционную коллегию вошли Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. редактор), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. Перед издателями встала труднейшая задача – выработать правила издания этого особого источника, системообразующей особенностью которого является факт фабрикации, и на этой основе опубликовать «дело». Кроме того, предстояло выявить документы, на основе анализа которых можно было бы воссоздать предысторию «Академического дела», установить инициаторов «дела». Рабочая гипотеза, которой в предварительном порядке руководствовались издатели, состояла в том, что его инициаторами выступили руководящие структуры партии большевиков и прежде всего – Политбюро ЦК ВКП(б). Необходимо было проверить эту гипотезу, и если она подтвердится, то выявить механизм превращения служебного расследования в секретное партийное разбирательство (с газетной травлей), результатом которого стало карающее решение, реализованное органами ОГПУ.

К сожалению, в то время, когда готовилось издание (конец 1992-1993 г.) многие партийные документы, в частности «особые папки» Политбюро оставались нерассекреченными, и это затрудняло работу. И все же гипотеза о руководящей роли Политбюро в инициировании и следствия и руководстве им нашла документальное подтверждение, хотя многие важные элементы оставались недостаточно проясненными, а в некоторых случаях пришлось ограничиваться новыми гипотезами. Но это дало основание приступить к публикации «Академического дела», и в 1993 г. был издан первый выпуск, содержащий следственное дело академика С.Ф. Платонова⁴.

Помимо самого следственного «дела», опубликованного полностью, так, как оно отложилось в архиве ФСК, книга включала обстоятельное предисловие (авторы – Б.В. Ананьич, В.М. Панеях, А.Н. Цамутали), биографический очерк о С.Ф. Платонове (те же авторы) и приложение (ранее не печатавшаяся на русском языке его автобиография). В предисловии полностью описано все «Академическое дело», исследована его предыстория, перечислены 115 человек, проходившие по нему, охарактеризованы методы следствия, обоснован вывод о фабрикации «дела» и установлены способы фабрикации.

Итак, было установлено, что «Академическое дело» велось Полномочным представителем Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО), было арестовано более 150-ти человек, в том числе крупнейшие ученые-историки старшего поколения: академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, представители среднего и молодого поколений, прежде всего ученые из Ленинграда, а также Москвы, Харькова, Саратова, Ярославля и других городов. Кроме того, среди арестованных оказались сотрудники аппарата Академии наук и академических

учреждений, работники Русского музея, Централрхива, других научных учреждений, вузов, издательств, священнослужители и даже домашние хозяйки. Основной удар был нанесен по ученым-историкам старой, и прежде всего петербургской школы.

Секретно-оперативное управление ПП ОГПУ в ЛВО под руководством политбюро ЦК ВКП(б) сочинило «сценарий», согласно которому С.Ф. Платонов и ряд других подследственных обвинялись в создании разветвленной антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», с целью свержения советской власти путем вооруженного восстания, поддержанного иностранной военной интервенцией, реставрации помещичье-капиталистического строя и восстановления монархического образа правления. Кроме того одна из групп подследственных была обвинена в шпионаже, а другая – во вредительстве. Внутренние противоречия среди ученых старой школы, выявившиеся в послеоктябрьский период, не интересовали следователей ОГПУ. Аресту подверглись и те, кто пытался сотрудничать с властями, и те, кто заняли нейтрально-отстраненную позицию, и те, кто внутренне был настроен оппозиционно. Следствие квалифицировало любые неформальные собрания и встречи, в том числе и научные кружки, в качестве нелегальных антисоветских организаций, ставших базой для пополнения мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Следствие началось в октябре 1929 г. «Академическое дело» было сфабриковано целиком и исключительно на основании показаний обвиняемых. Следственная группа ОГПУ в Ленинграде не располагала, да и не могла располагать какими бы то ни было существенными основаниями для производства обысков и арестов. Однако сценарий процесса разыгрывался по всем правилам следственного «искусства». Следователи занимались перепроверкой ими же самими сфабрикованных показаний. Подследственных вынуждали шантажом, угрозами, психологическим, а в некоторых случаях и физическим давлением писать и подписывать показания, которые соответствовали бы «сценарию» и обогащали бы его «достоверными» деталями. Таким образом, в результате вопиющего нарушения элементарных процессуальных норм, в частности – игнорирования принципа презумпции невиновности, нарушения установленной регламентации следственных действий, это «дело» приобретало черты принудительного «соавторства»⁵.

В 1931 г. следствие по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» завершается, во внесудебном порядке выносятся приговоры 115-ти подследственным (остальные либо освобождались из-под стражи, либо получили приговоры по другим столь же сфабрикованным «делам»). Шесть человек были приговорены к расстрелу, ученые, отнесенные следствием к «руководящему ядру» «организации» (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета и ряд других лиц) – к высылке в отдаленные места, остальные (большинство) – к заключению в концентрационные лагеря сроком от 3-х до 10-ти лет.

Но еще до выхода в свет первого выпуска этого издания «Академического дела» в газете «День» было опубликовано письмо академика Д.С. Лихачева, направленное им в Комиссию по культуре Верховного Совета России, в котором он касался разных вопросов издания документов советского периода, в том числе иностранными учеными, и, в частности, обратил внимание на подготовляемое к печати издание материалов «Академического дела». Автор исходил из того убеждения («мне стало известно»), что его «печатание» «предполагается» «без исследования этого дела и без комментариев». По справедливому мнению Д.С. Лихачева, если исходить из той предварительной посылки, на котором оно основывалось, то «тем самым будет пропагандироваться точка зрения на «Академическое дело» следователей ОГПУ, дискредитированными окажутся крупнейшие наши ученые – Тарле, Измайлов, подписавшие под сильным давлением не соответствующие действительности протоколы»⁶.

В одном отношении Д.С. Лихачев был безусловно прав: было бы предпочтительным издание «Академического дела» сопроводить комментарием, и таково было наше (издателей) намерение с самого начала работы. Но в результате ознакомления со всем этим «делом», было принято вынужденное решение отказаться от комментирования. Дело в том, что степень достоверности показаний обвиняемых настолько незначительна, что тогдашний уровень знаний не позволил в результате научного комментирования выделить из общего потока

ложных, а порой и фантастических сведений даже крупницы правды, более того, даже таил в себе некую опасность, ибо указание на ложность того или иного факта из следственных показаний автоматически предполагает достоверность всего остального.

Но Д.С. Лихачев безусловно был неправ, когда утверждал, что «Академическое дело» предполагалось издать без предварительного исследования этой фабрикации. Оно было проведено, и предисловие и являлось этим исследованием. Издатели исходили из того, что материалы «Академического дела» важны прежде всего не с точки зрения достоверности фактов, сообщаемых подследственными, а как памятник эпохи, отразивший ее черты и нравы, порядки, царившие в Политбюро и в ОГПУ, как обвинительный акт против режима власти. Реальна также трагедия незащитных представителей элиты русской науки, вовлеченных в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства. Именно поэтому издатели решительно отказались даже и от попыток сравнительной характеристики поведения подследственных, от выявления того, кто лучше или хуже вел себя во время следствия или кто кого «оговорил».

Появившиеся вскоре рецензии в целом одобрили работу публикаторов⁷ (подготовку текста «дела» под руководством редколлегии осуществил М.П. Лепехин). Большинство рецензентов согласилось с тем, что «дело» представляло собой фабрикацию, осуществленную ОГПУ под руководством политбюро ЦК ВКП(б). Вместе с тем они единодушно отметили, что отсутствие комментариев обедняет издание. Правда, В.И. Буганов и К.Ц. Саврушкина связали это с недоступностью для издателей агентурно-наблюдательного дела⁸. Напротив, М.А. Рахматуллин решительно возразил авторам предисловия, в частности по поводу их категорического утверждения «о невозможности выделения и „крупниц правды» из общего потока событий». По мнению М.А. Рахматуллина, «Платонов (как, видимо, и другие), особенно в первых своих показаниях, когда не было еще потока ложных измышлений и наветов других подследственных и отсутствовала сама основа для самооговоров, когда еще, можно думать, у подследственных, считавших недоразумением все происходящее, сохранилась вера в скорое и праведное его разрешение, не было и особой нужды что-нибудь скрывать или исказить реальные факты своей научной или педагогической деятельности, обыденной жизни». Впрочем, по-иному, согласно М.А. Рахматуллину, дело обстояло с направленностью «интерпретации этих сведений уже после «установления» факта существования контрреволюционного «Союза», когда намеренное растворение их в море измышлений как бы набрасывает на эту ложь флер достоверности. В таких случаях отделить одно от другого чрезвычайно сложно, но не невозможно». Для этого, – пишет рецензент, – «есть немало путей – от привлечения хорошо известных и реальных фактов из доследственного периода жизни до широкого использования сохранившейся переписки самого С.Ф. Платонова и его коллег»⁹. М.А. Рахматуллин, как мне представляется, указал на возможные пути источниковедческой критики следственных показаний С.Ф. Платонова. Автор рецензии только не учел, что до ареста С.Ф. Платонова 12 января 1930 г. в следственных тюрьмах содержалось по тому же «делу» около 20-ти человек, некоторых из которых допрашивали до этого более двух месяцев.

В.С. Брачев сформулировал свое недовольство издателями «Академического дела», отказавшихся от комментирования сфабрикованных следственных показаний, в наиболее развернутом виде. По его мнению, они напрасно «пошли по пути изложения перипетий подготовки и развития самого следственного дела» вместо того, чтобы оценить степень «репрезентативности документов», их значение и возможность «их использования в историческом исследовании». Остается, правда, неясным, как установить факт фабрикации, в чем не сомневается и рецензент, не исследуя истоков «дела» и сам ход следствия. В.С. Брачев даже выразил убеждение в том, что «в показаниях С.Ф. Платонова, Е. В. Тарле и их коллег содержится огромная масса фактов, проливающих свет на научную и педагогическую деятельность этих ученых, их исторические и общественно-политические взгляды, положение в исторической науке 1920-х годов»¹⁰.

Этот свой взгляд на возможности интерпретации следственных показаний В.С. Брачев изложил в концентрированном виде в статье, вышедшей в том же году, что и его рецензия. Автор утверждал, что С.Ф. Платонов «принадлежал к числу ученых, сознательно сторонившихся всякой политики и никогда не афишировавших своих общественно-

политических взглядов». Изменилась же ситуация лишь в 1930 г.: «Заговорить на эту тему его заставила советская действительность конца 1920-х годов, когда вместе со своими коллегами Е.В.Тарле, С.В.Рождественским, Н.П. Лихачевым и другими он оказался <...> в Доме предварительного заключения Ленинградского ОГПУ». В.С. Брачев убежден в «искренности ученого» в период следствия, о чем, по его мнению, свидетельствуют «общий характер показаний С.Ф. Платонова на эту тему, чувство глубокого достоинства, которое он при этом сохранял», тем более что они подтверждаются «показаниями его учеников и коллег»¹¹.

Эта концепция получила развитие в книге того же автора «Русский историк Сергей Федорович Платонов». В.С. Брачев принял на веру не только то, что показывал о себе в ОГПУ сам С.Ф. Платонов, но и характеристики, данные С.Ф. Платонову в показаниях Е.В. Тарле, С.В. Рождественского, В.И. Пичеты и других его коллег. При этом В.С. Брачев сослался на сфабрикованные ОГПУ показания так, как будто имел дело с письмами, мемуарами или дневниками: «...по свидетельству С.В. Рождественского»¹²; «...заслуживает в связи с этим внимания замечание М.М. Богословского (правда, в передаче Е.В. Тарле)»¹³; «...отмечал в связи с этим Е.В. Тарле»¹⁴; «...отмечал С.Ф. Платонов в обширной «покаянной» записке, поданной им в октябре 1930 г. в ОГПУ»¹⁵; «...в своих показаниях следователям ОГПУ в 1930 г. С.Ф. Платонов подтвердил этот факт»¹⁶; «...отмечал С.Ф. Платонов»¹⁷ «...заявил С.Ф. Платонов»¹⁸; и «подчеркивал он»¹⁹; «...по словам В.И. Пичеты»²⁰ «...вспоминал впоследствии В.И. Срезневский»²¹; «...отмечал В.И. Пичета»²² и т.д. и т.п. При этом В.С. Брачеву странным образом удавалось даже уловить нюансы интонаций С.Ф. Платонова в сфабрикованных следователями ОГПУ протоколах его допросов: «Я не марксист», – сухо констатировал С.Ф. Платонов на одном из допросов...»²³.

Щедро черпая «факты» из такого одиозного источника, как следственные показания С.Ф. Платонова и его коллег, В.С. Брачев, в соответствии с ранее провозглашенными взглядами, рассматривал сфабрикованные карательными органами материалы «Академического дела» как достоверный источник даже для воссоздания общественно-политических воззрений ученого (хотя, в противоречии с этим, автор неоднократно отмечает на страницах той же книги, что С.Ф. Платонов «увы, <...> был аполитичен», политически непредвзятым)²⁴. Читатель должен поверить тому, что несклонный афишировать свои общественно-политические взгляды (которых, впрочем, согласно автору, у С.Ф. Платонова вроде бы и не было) ученый, «искренне» изложил их именно следователям во время заключения в Доме предварительного заключения ОГПУ.

В подтверждение этой идеи автор ссылается на заявление С.Ф. Платонова в Коллегию ОГПУ, датированное 17 сентября – 5 октября 1930 г., которое В.С. Брачев, опубликовавший его совместно с С.В. Черновым в 1993 г., почему-то назвал «покаянием» ученого²⁵. В.С. Брачева не смутило ни то, что С.Ф. Платонов в нем заявил о своем «расконспиривании» перед органами ОГПУ, признался в участии в мифической контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», ни то, что на страницах этого документа ученый выражается в несвойственной ему манере о чрезвычайном успехе колхозного движения и полном торжестве генеральной линии ВКП(б)²⁶. Не обратил также внимание В.С. Брачев на специфическую природу этого документа (не протокол допроса и не собственноручные показания, а заявление в Коллегию ОГПУ) и на отнюдь не странное совпадение: примерно этим же временем (10 августа – 4 октября 1930 г.) датируются подобные же заявления Е.В. Тарле.

Таким образом, В.С. Брачев абстрагировался от специфики сфабрикованного следственного «дела» и не принял во внимание наибольшую вероятность искажений при изложении в нем именно общественно-политических воззрений подсудимого. В.С. Брачев же даже и не попытался отделить достоверные факты от фальсификаций, соблазнившись упрощенными решениями. Следственные дела С.Ф. Платонова и его коллег не стали в книге В.С. Брачева объектом критического осмысления. Именно о таком использовании источников, к какому прибег В.С. Брачев, писал Р. Коллингвуд как о «истории ножниц и клея»²⁷. Можно, таким образом, заключить, что попытка реализации провозглашенной В.С. Брачевым идеи о возможности использования сфабрикованных следственных показаний для воссоздания общественно-политических воззрений С.Ф. Платонова оказалась крайне неудачной. Она и не могла быть иной, так как сама эта идея несостоятельна.

Попытка же интерпретации следственного материала сводится у автора к заявлению, что «мужественное поведение» С.Ф. Платонова на допросах «выгодно отличает его показания от показаний других обвиняемых (Е.В. Тарле, Н.В. Измайлова, Ю.В. Готье, В.И. Пичеты, С.В. Рождественского и др.), проходивших по этому делу»; ученый, как считает автор, тем самым «преподал своим ученикам (Е.В. Тарле? Ю.В. Готье? В.И. Пичете? – В.П.), оказавшимся слишком „словоохотливыми“, последний и быть может самый важный для них урок – урок гражданского мужества и высокой нравственности»²⁸. Но такого рода сравнительная характеристика поведения подследственных и основанные на ней поспешные выводы о том, кто лучше или хуже проявил себя во время следствия и кто кого «оговорил», как уже было отмечено в литературе, ведет к тому, что подвергшиеся тяжелому нравственному и физическому испытанию жертвы «Академического дела» становятся как бы объектами повторного бессудного приговора, а преступная деятельность организаторов расправы над людьми науки и тем самым над самой наукой остается в тени²⁹.

Если при использовании сфабрикованных ОГПУ следственных «дел» В.С. Брачев продемонстрировал столь явную источниковедческую несостоятельность и этическую неразборчивость, то попытка выявления им истоков и причин «Академического дела» не опирается в его книге на источники вовсе. Автор не счел необходимым произвести архивные разыскания, а фрагменты уже опубликованных партийных документов, относящихся к этому «делу», не подверг тщательному анализу. Утвердившаяся же в исторической литературе концепция, согласно которой «Академическое дело» 1929-1931 гг. было инициировано руководством большевистской партии (во главе со Сталиным), которое с самого его зарождения до вынесения приговоров «тройкой» ОГПУ руководило всеми действиями ОГПУ, квалифицируется В.С. Брачевым в качестве «сугубо западной эмигрантской» схемы³⁰, характерной для «практики» «нашей постсоветской историографии», проявляющейся в «идеологической заданности, политической предвзятости» и в ставших уже обычными филиппиками «в адрес «тоталитарного прошлого». По утверждению В.С. Брачева, историки неосновательно связывают «Академическое дело» с подготовкой к новому этапу большого террора³¹, их увлечение «поисками «кремлевского», «партийного» следа во всей этой истории» бесплодно, а «дело» С.Ф. Платонова «не важный этап в «войне» большевистского режима против русской интеллигенции», а, «как подсказывает логика», имеет всего только «историографические корни»³², почему автор резко выступает против «чрезмерного акцента на репрессивном характере и расширительном толковании действий власти, как якобы специально направленной против «старой» интеллигенции и Академии наук». Оказывается, ««дело» С.Ф. Платонова было отражением пусть и уродливой, специфически советской розни, которая всегда существовала в нашей историографии между историками-государственниками и их противниками из либерального и революционно-демократического лагеря с так характерными для них ориентацией на западные ценности и национальным самоуничижением»³³. «Академическое дело», следовательно, возникло «по инициативе снизу», которая, якобы, «шла из среды самих историков»³⁴, и именно тех из них, кто направил острие «дела» против других историков – сторонников «вполне определенного, национального направления», «государственников, представителей русской национальной историографии»³⁵.

Если следовать этой поразительной логике, то, само собой разумеется, что «не пресловутое «Политбюро», а именно ««историки-марксисты» во главе с М.Н. Покровским» инициировали «эту беспримерную в истории науки провокацию»³⁶. Так что «демонизация действий властей», по убеждению В.С. Брачева, «неоправданна». Впрочем, все же «инициативу по раскручиванию «дела» перехватило ОГПУ», действовавшее автономно, Политбюро же «скорее сдерживало ретивых чекистов» и даже «провело решение, согласно которому подготовленное чекистами дело до суда так и не дошло, а основные «ответчики» отделались легким испугом в виде ссылки, получив возможность вернуться впоследствии к научной деятельности»³⁷, тем более, что «расстреляны были <...> только (!– В.П.) шестеро»³⁸.

Нетрудно заметить, что автор стремится приуменьшить разрушительные последствия «Академического дела», роль в его организации партийно-политического руководства, нарисовать извращающую факты картину, согласно которой важнейшая полицейско-идеологическая акция предстает как результат деятельности одного нехорошего историка, сумевшего в своих корыстных целях подчинить себе даже ОГПУ. Если же учесть, что

М.Н. Покровский, как отмечает автор, вместе с его школой был впоследствии разоблачен самой партией, то из этого с неизбежностью вытекает вывод об успешном разрешении внутрицехового конфликта усилиями политбюро в пользу подлинной науки и тех ее выдающихся представителей, которые не так уж и сильно пострадали.

Спору нет, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и другие выдающиеся ученые подвергались безобразным нападкам со стороны М.Н. Покровского, но при раскручивании «Академического дела» он, будучи партийно-государственным функционером, выступал, как явствует из уже известных документов, лишь в роли одного из доверенных лиц, ответственного исполнителя ряда поручений высшего партийного руководства.

Вопреки спекулятивным домыслам В.С. Брачева, именно политбюро 5 ноября 1929 г. образовало Особую следственную комиссию в составе прокурора РСФСР Крыленко и двух руководящих работников ОГПУ – Агранова и Петерса, которой было поручено «обсудить вопрос о привлечении к суду виновных», причем эта комиссия сразу же перевела «дело» в русло политического процесса, задачей которого являлось выяснение «связей отдельных лиц, стоящих во главе Академии наук, с белой эмиграцией за рубежом, с некоторыми иностранными представительствами и миссиями и возможной шпионской (военно-разведывательной) деятельности в интересах иностранных государств», с одновременной агентурной разработкой³⁹.

Сталин получил 9 января 1930 г. от руководства ОГПУ (Ягоды и Евдокимова) докладную записку, после которой единичные аресты сменились массовыми, в том числе в ночь на 12 января 1930 г. был арестован С.Ф. Платонов. Следующий подобный доклад был получен в политбюро 23 января и сразу же (25 января) на его заседании рассматривается вопрос, перенесенный с 15 января, «Об Академии наук», на котором принимается решение: «Поручить Секретариату ЦК утвердить инструкцию». Несомненно, она предназначалась ОГПУ, которое и вело следствие. Наконец, 15 сентября 1930 г. Сталину и Молотову была направлена докладная записка за подписью председателя ОГПУ Менжинского и Агранова и сборник «Материалы контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», возглавлявшейся академиком Платоновым и другими». Недавно изданные документы политбюро, хранящиеся в Архиве Президента РФ, позволяют во многом уточнить и без того уже известные факты, свидетельствующие о руководящей роли этого органа, который стоял у истоков «Академического дела» и давал директивы ОГПУ как по ведению следствия, так и при вынесении приговора⁴⁰.

В.С. Брачев издал также брошюру об «Академическом деле»⁴¹, в которой воспроизвел без изменений то, что он написал о нем в книге о С.Ф. Платонове. Эта последняя была подвергнута критике в рецензиях – моей⁴² и Н.Н. Покровского⁴³. В рецензии А.Ю. Дворниченко на книгу В.С. Брачева о С.Ф. Платонове его концепция в той ее части, которая относится к истокам «Академического дела», была решительно поддержана. По мнению А.Ю. Дворниченко, В.С. Брачеву «удалось показать ошибочность укоренившихся в последние годы представлений о Платонове, его учениках и коллегах как жертвах некоего заговора кремлевского руководства против Академии наук и шире – едва ли не против всей старой русской интеллигенции». Рецензент солидаризируется с В.С. Брачевым и утверждал вслед за ним (и вопреки известным фактам), что в разгроме «буржуазной» историографии <...> был заинтересован не столько Кремль, сколько историки-марксисты», более того, что «никаких конкретных указаний» от политбюро ЦК ВКП(б) не поступало и «раскручивание всего «дела» можно во многом записать в «актив ОГПУ»⁴⁴.

В.С. Брачев счел необходимым ответить своим критикам⁴⁵. Он продолжал отстаивать охранительную в отношении политбюро позицию и высказал свое «отрицательное отношение к явному нигилизму издателей «Академического дела» в оценке его как исторического источника». С его точки зрения, «при взвешенном, критическом отношении к ним материалы «Академического дела» не только могут, но и должны широко использоваться в исторических исследованиях». При этом автор сослался, как на образец, на свою статью «Архивно-следственные материалы ОГПУ как источник по истории ленинградской интеллигенции 1920-х годов»⁴⁶. На эту статью обратил мое внимание Д.С. Лихачев в письме от 1 декабря 1998 г. Оно начинается (после обращения) со слов: «Меня возмутила статья В.С. Брачева <...> Если

Вы будете Брачеву отвечать, то примите во внимание и мои фактические возражения, доказывающие его неправоту. Унижаться и чувствовать себя снова подследственным я не могу. Ссылаться на это письмо Вы можете». А дальше следовали по пунктам замечания Д.С. Лихачева. Кончалось же письмо, напечатанное на машинке, припиской пером: «Что за «исследователи» следователи!!! Сам-то Брачев видимо следователь?».

Я ответил Д.С. Лихачеву письмом и сообщил также и о своем резко отрицательном отношении к подобным работам, в которых В.С. Брачев, плывя по проложенному следователями ОГПУ руслу, убеждает читателя даже в том, во что не верили они сами: все «дела» возбуждались в связи с действительно существовавшими организациями, которые, находясь в подполье, соблюдали все необходимые приемы конспирации, чтобы не дать в руки ОГПУ каких-либо «улик». Вместе с тем, я написал, что у меня пока нет повода полемизировать с В.С. Брачевым (это было до появления его ответа рецензентам), но если он появится, я непременно учту мнение Д.С. Лихачева. Случай вскоре представился, и я решил ответить на «возражения» В.С. Брачева, что и сделал в журнале «Клио»⁴⁷, опираясь отчасти на замечания Д.С. Лихачева⁴⁸. В своей заметке я сосредоточился, главным образом, на той статье, на которую указал Д.С. Лихачев, пытался показать, как автор вслед за следователями ОГПУ повторяет те вздорные обвинения, которые предъявлялись арестованным органами ОГПУ.

Но в одном можно с В.С. Брачевым отчасти согласиться – в том, что «при взвешенном критическом отношении» к материалам «Академического дела» они «не только могут, но и должны широко использоваться в исторических исследованиях». Разумеется, широко их использовать было бы неверно, нельзя опираться на них некритически, как это делает В.С. Брачев, но попытаться выделить из материалов, сфабрикованных следователями карательных органов советского периода «дел» достоверные факты, сепарировать их из массы фальсификаций следует пытаться, имея в виду, что это является сложнейшей источниковедческой задачей. Такая попытка и была предпринята Б.В. Ананьичем и мною в нашей совместной статье ««Академическое дело» как исторический источник»⁴⁹.

Мы, в частности, не отвергли возможности привлечения для этого независимых источников, таких как переписка, воспоминания, устные рассказы. В то же время было отмечено, что и они не всегда достоверны, хотя, разумеется, в силу других причин. Но прежде всего, с нашей точки зрения, следует обращаться к предыстории любого такого «дела». Сейчас уже документально установлено, что истоки крупнейших «дел» берут начало в предписаниях высшего партийного руководства. Так, одновременно проводившимися следствиями по «Академическому делу», делам «Трудовой крестьянской партии», «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков» непосредственно руководил И.В. Сталин, определявший содержание тех показаний, которые предписывалось получить. Именно этим мы объяснили однотипность предъявляемых обвинений и принуждение к даче необходимых для их подтверждения показаний. Неизбежным результатом такого принудительного «соавторства» становится своеобразный унифицированный стиль следственных протоколов, который нивелировал индивидуальность допрашиваемых, уравнивал ее с деиндивидуализированными или слабо деиндивидуализированными личностями следователей.

В нашей статье обращено внимание на исследование Э. Шнейдерманом этого стиля, который показал, что «признания» подследственных звучат нелепо не только с фактической точки зрения, но и «со стороны словесного оформления», отличающегося нищетой языковых средств. Э. Шнейдерман на примере следственного дела поэта Бенедикта Лившица указал и на наиболее характерные особенности языка таких протоколов – перенасыщение терминологией саморазоблачения, причем с «квалификацией вины (своей, сообщников, либо общей) с невероятной, казалось бы, здесь прокурорской точки зрения»⁵⁰. Сделанные Э. Шнейдерманом выводы, как показывают материалы других сфабрикованных «дел», универсальны, так как их лексика однотипна, потому что словесные клише, переходившие из «дела» в «дело», производны от однотипных сценариев и стандартных методов ведения допросов.

Учитывая это, Б.В. Ананьич и я пришли к выводу, что при попытках извлечения из сфабрикованных следственных показаний достоверной информации необходимо

отбрасывать те элементы, которые фиксируют общие места, установленные на основании близких по времени и составу обвиняемых следственных дел, с однотипными лексическими оборотами и штампами. Это дает возможность выявить основную тенденцию обвинений по целому комплексу «дел», а затем – по исследуемому конкретному «делу». И тогда сведения, непосредственно отражающие ее, следует признать недостоверными, если не удастся выдвинуть систему аргументации, свидетельствующую об обратном. Плодотворными, с нашей точки зрения, является метод анализа «обличительных» источников русского средневековья, который разработал Я.С. Лурье, считавший, что следует «искать такие случаи, когда источник проговаривается – говорит нечто такое, необязательно или даже прямо излишне с точки зрения его тенденции»⁵¹. Не отрицаем мы также метода выделения разновременных слоев самого источника. Можно полагать, что в первых показаниях, особенно собственноручных, когда подследственных еще не сумели принудить к «соавторству», если перед органами ОГПУ не ставилась задача в короткий срок добиться признания «вины», самоговора, фактическая их сторона заслуживает внимания. Если же в последующих показаниях, в заявлениях о снятии судимости или о реабилитации эти сведения не отвергались, степень их достоверности возрастает.

Но все это относится прежде всего к фактической, событийной стороне показаний. Что же касается общественных, политических, экономических и иных воззрений подследственных, то следует учитывать наибольшую вероятность искажений в подобных «делах». Эти деформации имеют разнонаправленную природу: если сами подследственные стремились давать показания, изображающие их перед властями в выгодном свете, то, напротив, следователи старались придать им криминально-политический характер. Именно поэтому подобные источники, как уже было отмечено выше, не могут служить основанием для воссоздания воззрений подследственных. При попытках отделить достоверные факты от массы фальсификаций в сфабрикованных следственных «делах» политического характера исследователя подстерегает соблазн простых решений, таких, например, как опора на собственную интуицию, не подкрепленную системой аргументации, на вероятность известия.

В 1998 г. был издан второй выпуск (в двух частях) «Академического дела», содержащий следственное дело академика Е.В. Тарле⁵². В предисловии к нему (авторы те же, что и предисловия к первому выпуску) были проанализированы само это сфабрикованное «дело», некоторые ранее недоступные документы политбюро, подтвердившие прямую его причастность к инициированию следствия и руководству им. Кроме того, был показан механизм фабрикации, в частности названия мифической организации – «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Вслед за предисловием напечатан обстоятельный биографический очерк Е.В. Тарле (автор – Б.С. Каганович), в котором прослежена вся его ученая деятельность, показано, насколько репрессии деформировали творческий облик этого выдающегося историка. В приложении опубликована докладная записка ОГПУ от 15 сентября 1930 г., адресованная И.В. Сталину и В.М. Молотову, в которой сценарий, разработанный в самом начале следствия, «обогащается» материалами допросов, ряд других документов, а также письма Е.В. Тарле жене и сестре из тюрьмы и ссылки.

Едва только вышло в свет это издание, как в одной из петербургских газет появились два читательских письма с резкими возраже